

И. С. Чистова

К СТАТЬЕ С. А. СОБОЛЕВСКОГО «ТАИНСТВЕННЫЕ ПРИМЕТЫ В ЖИЗНИ ПУШКИНА»

В 1870 г. в «Русском архиве» была напечатана статья близкого друга Пушкина, библиофила и библиографа С. А. Соболевского о «странном (...) предсказании, имевшем (...) сильное влияние»¹ на поэта. Статью эту Соболевский писал, по всей видимости, незадолго до смерти (он умер 6 октября 1870 г.) — так во всяком случае следует из не публиковавшегося прежде письма к нему петербургского приятеля Пушкина конногвардейца П. Б. Мансурова, отправленного из Теплица летом 1870 г.; подробнее об этом письме мы скажем чуть позже, а пока напомним тот эпизод из биографии Пушкина, который привлек внимание мемуариста.

¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 5.

Поздней осенью 1819 г.² (по другим данным — 1817-го³) Пушкин посетил известную петербургскую гадалку немку Кирхгоф, по профессии модистку, с успехом промыслявшую по приезду в северную столицу в самом начале 1810-х годов ворожбой и гаданьем.

Популярность Кирхгоф была необычайно велика; известно, например, что в конце 1811 — начале 1812 гг. Александр I, предчувствовавший, что война с Наполеоном неизбежна, но в высшей степени этой войны не желавший, в своих попытках найти выход из затруднительного положения обратился за помощью к знаменитой прорицательнице.

Этот любопытный эпизод был весьма подробно воспроизведен в воспоминаниях мемуариста К. Мартенса, в молодости офицера, которому довелось стать невольным свидетелем визита императора к гадалке:

«Однажды вечером я находился у этой дамы, когда у дверей ее квартиры раздался звонок, а затем в комнату вбежала служанка и прошептала: „Император!“.

— Ради Бога, спрячьтесь в этом кабинете, — сказала мне вполголоса г-жа Кирхгоф, — если император увидит вас со мною, то вы погибли.

Я исполнил ее совет, но через отверстия, сделанные в дверях, вероятно, нарочно, мог видеть все, что происходило в зале. Император вошел в комнату в сопровождении генерал-адъютанта Уварова. Они были оба в статском платье, и по тому, как император поздоровался, можно было понять, что он надеялся быть неузнанным. Г-жа Кирхгоф стала гадать ему; хотя она говорила очень тихо, но я мог все-таки слышать.

— Вы не то, чем вы кажетесь, — сказала она... — но я не вижу по картам, кто вы такой. Вы находитесь в двусмысленном, очень трудном, даже опасном положении. Вы не знаете, на что решиться. Ваши дела пойдут блестяще, если вы будете действовать смело и энергично. Вначале вы испытаете большое несчастье, но, вооружившись твердостью и решимостью, преодолете бедствие. Вам предстоит блестящее будущее.

В то время как она говорила, император сидел, склонив голову на руку, и пристально смотрел на карты.

При последних словах он вскочил и воскликнул: „Пойдем, брат“ — и уехал вместе с ним в санях»⁴.

² См.: *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества Пушкина. 1799—1826. 2-е изд. Л., 1991. С. 190.

³ См.: *Соболевский* — друг Пушкина/Со статьей В. И. Саятова. Пг., 1922. С. 30.

⁴ Рус. старина. 1902. Т. 109. С. 103—104.

Позднее, за год до декабрьских событий 1825 г., Кирхгоф объявила младшему брату декабриста И. И. Пущина М. И. Пущину, причастному к Северному обществу: «Странно говорят карты, вы будете солдат»⁵, а за две недели до восстания предрекла смерть Милорадовича⁶.

Пушкин узнал о Кирхгоф скорее всего от своих приятелей, принадлежавших к литературно-театральным кругам Петербурга. Актеры (особенно актрисы) были частыми гостями у гадалщицы. О своем визите к знаменитой вещунье поэт рассказывал друзьям; некоторые из них сохранили этот рассказ в своих воспоминаниях. Так, о визите Пушкина к Кирхгоф мы знаем со слов А. Н. Вульфа, П. В. Нащокина, Л. С. Пушкина и др.⁷ «Я часто слышал от него самого об этом происшествии, — писал Соболевский, — он любил рассказывать его в ответ на шутки, возбуждаемые его верою в разные приметы. Сверх того, он в моем присутствии не раз рассказывал об этом именно при тех лицах, которые были у гадалщицы при самом гадании. <...> Для проверки и пополнения напечатанных уже рассказов считаю нужным присоединить все то, о чем *помню положительно*, в дополнение прежнего, восстанавливая все то, что в них перебито или переиначено. Предсказание было о том, *во-первых*, что он скоро получит деньги; *во-вторых*, что ему будет сделано неожиданное предложение; *в-третьих*, что он прославится и будет кумиром соотечественников; *в-четвертых*, что он дважды подвергнется ссылке; наконец, что он проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека (*weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch*), которых и должен он опасаться. Первое предсказание о письме с деньгами сбылось в тот же вечер; Пушкин, возвратясь домой, нашел совершенно неожиданное письмо от лицейского товарища, который извещал его о высылке карточного долга, забытого Пушкиным. <...> Не менее странно было для него и то, что несколько дней спустя в театре его подозвал к себе Алексей Федорович Орлов (впоследствии князь) и <...> предлагал служить в конной гвардии»⁸.

Желая восстановить истинную картину встречи Пушкина с Кирхгоф, Соболевский, до конца не доверяя себе, пытался найти подтверждение известным ему фактам в свидетельствах тех, кто, по преданию, сам бывал в располагавшейся недалеко от Морской квартире гадалки, — возможно, даже вместе с Пуш-

⁵ Рус. архив. 1908. Кн. 3. С. 432.

⁶ Рус. старина. 1879. Т. 25. Кн. VI. С. 382.

⁷ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1—2.

⁸ Там же. Т. 2. С. 5—6.

киным. Доказательством этому служит названное выше письмо П. Б. Мансурова Соболевскому, написанное в ответ на вопросы адресата. Приведем его полностью:

«Теплиц, $\frac{23 \text{ июля}}{4 \text{ августа}}$ 1870.

Многоуважаемый Сергей Александрович, очень сожалею, что по причине моего отсутствия из Парижа я замедлил в сообщении Вам ответа на Ваше письмо.

На вопрос, сделанный мне Вами насчет Пушкина, по давности времени мало могу припомнить; могу лишь достоверно сказать следующее: Пушкин был у знаменитой тогда карточной гадалщицы Кирхов вместе с Ник(итой) Всеволожским; Юрьев и я не присутствовали при этом. Предсказания Кирхов сделали на Пушкина довольно сильное впечатление, особенно сначала, но в скором времени оно, как нам казалось, совершенно изгладилось. Однако если кто из наших напоминал об этом, ясно видно было, что это ему неприятно; он всячески старался отклонить разговор и, когда не успевал, то сам первый хохотал весьма громко, но для тех, которые его хорошо знали, видно было, что хохот его был принужденный, что и заставляло нас совершенно прекращать всякий намек о прошедшем. Насчет предложения Алек(сея) Фед(оровича) Орлова поступить в военную службу ничего решительно сказать не могу, и это обстоятельство у меня в тумане.

Очень жаль, что один из старых близких знакомых Пушкина — Яков Николаевич Толстой, скончавшийся два года тому назад в Париже, не мог вам своевременно передать некоторые подробности. У него были письма от Пушкина, и он мне читал некоторые из них отрывки; между прочим, Пушкин осведомлялся обо мне и других товарищах, но насчет предсказаний Кирхов ничего не было упомянуто. Куда после смерти Толстого девались эти письма, мне неизвестно.

Вот все, что после 52 лет я могу припомнить и сообщить. Прошу вас верить моему уважению и преданности.

Павел Мансуров»⁹.

Павел Борисович Мансуров, участник Отечественной войны 1812 г., поручик Конно-егерского полка, страстный театрал, близкий кружку А. А. Шаховского, член «Зеленой лампы», литературно-театрального общества, в которое входили образо-

⁹ Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 450, оп. 1, № 40.

ванные молодые люди, увлекавшиеся поэзией, музыкой, сценическим искусством и не чуждые вопросов общественных, принадлежал к числу близких друзей Пушкина. С его именем связано одно из весьма вольных пушкинских посланий, запечатлевших эпикурейское времяпрепровождение петербургской «золотой молодежи», к которой поэт примкнул по выходе из Лицея и которая группировалась вокруг родственника Мансурова Н. В. Всеволожского, в чьем доме и собирались «лампысты».

Приведенное выше письмо Мансурова к Соболевскому интересно во многих отношениях. Это еще один подлинный документ о Пушкине — письмо современника, хорошо знавшего поэта. Прежде всего следует обратить внимание на содержащееся в письме твердое заявление автора о том, что он не был с Пушкиным у Кирхгоф, — в справочной биографической литературе о поэте сведения на этот счет прямо противоположные и, как оказывается, ошибочные: и в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина», подготовленной Т. Г. Цявловской (М., 1952; 2-е изд. Л., 1991), и в словаре Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1988) сообщается, что у гадалщицы немки Кирхгод Пушкин был вместе с Мансуровым.

Но фактическое уточнение, которое позволяет сделать письмо Мансурова к Соболевскому, весьма незначительно. Ценность мансуровского письма в другом — в содержащемся там развернутом описании реакции Пушкина на пророчества легендарной предсказательницы. За полвека, прошедшие со времени упомянутого им события, Мансуров забыл, естественно, реальные обстоятельства, этому событию сопутствовавшие; в его памяти запечатлелось иное — то, что было гораздо важнее бытовых подробностей — образ Пушкина, потрясенного услышанным от гадалщицы и в течение долгого времени продолжавшего испытывать над собой власть ее таинственных предначертаний.

Рассказ Мансурова содержит не просто бытовой сюжет, а своего рода иллюстрацию к психологическому портрету поэта, подтверждающую значимость названного эпизода не во внешней, но во внутренней, душевной биографии Пушкина.

Общаясь по окончании Лицея с «отчаянными» гусарами, фрондерами, вольнодумцами и критиками, поэт стремится и в собственной личности воплотить черты столь привлекательного для него образа ироничного, трезвого рационалиста — но тщетно пытается он приглушить и умерить заложенную в него природой необычайную впечатлительность. Можно представить себе, как хотелось бы Пушкину отреагировать на предсказание Кирхгоф так, как это сделал Грибоедов, со смехом рассказывавший С. Н. Бегичеву о своем визите к гадалке в сентябре 1817 г.: «На

дней ездил я к Кирховше гадать о том, что со мною будет; да она не больше меня об этом знает; такой вздор врет, хуже Загоскина комедий»¹⁰. Пушкин, как пишет Мансуров, тоже смеялся, когда заходил разговор о гадалке, но это была лишь неудачная попытка затушевать волнение, овладевавшее им всякий раз при упоминании имени Кирхоф.

Вера в существование непознанного, таинственного, чудесного принадлежала к скрытым душевным переживаниям поэта — попытку проинтерпретировать с этой точки зрения встречу Пушкина с Кирхоф предпринял автор основанного на документальных материалах исторического романа «Дела давно минувших дней» (1888) П. П. Каратыгин, сын водевилиста и прозаика П. А. Каратыгина, историк и мемуарист, знаток александровской эпохи. Каратыгин, испытывавший большой интерес к мистическим явлениям, разного рода таинственным приметам, предсказаниям, оправдавшимся пророчествам, ввел в свой роман целую главу, посвященную Кирхоф (глава V, «Ворожея»); центральное место в ней, естественно, занимает пушкинский сюжет¹¹.

«Шарлотта Федоровна Кирхоф, вдова пастора (как говорили), приехала в Петербург на вербной неделе 1818 г. <...> Высокая ростом старуха лет 60-ти, она наружностью менее всего походила на колдунью. Довольно свежее лицо напоминало старушек Рембрандта, Жерара Доу или Деннера. <...> Черное шерстяное платье и таковая же шаль с узенькой турецкой каймой составляли ее постоянный, неизменный костюм. В знатные дома барыни приглашали ее к себе, посылая за нею свои кареты. <...> Кирхоф на ее квартире посещали преимущественно мужчины, молодые и пожилые, и не только статские, но и гвардейцы. Многие шли к ней посмеиваясь, но выходили серьезные и угрюмые; предсказаниям не верили, называли их вздором, враньем, — а между тем этот вздор фиксировался у них в памяти, а предсказание было дамокловым мечом, добровольно навешенным над их собственными головами <...> ...В приемную вошли Сосницкий и Пушкин.

— ...Неужели, Александр Сергеевич, это вас серьезно занимает?

— Как сказки старой няни: сознаешь, что пустяки, а занимательно и любопытно. Не верю, но хотелось бы верить.

¹⁰ Грибоедов А. С. Соч. М., 1988. С. 445.

¹¹ П. П. Каратыгин известен и как автор работ о Пушкине (см.: А. С. Пушкин, его дружба, любовь и ненависть//Рус. старина. 1879. № 4, 6, 8, 10, 11; 1880. № 5—7; А. С. Пушкин//Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 2-е изд. СПб., 1887. Т. 1).

— Ох вы, вольнодумцы! Не лучше ли сказать это не о нечистой силе, а о Боге! — засмеялся Сосницкий.

— Скажу, перестановив те же слова, те же нянины сказки: верю, но хотелось бы не верить»¹².

Незамысловатый рассказ Каратыгина, не отличающийся ни глубиной изображения, ни литературным мастерством, тем не менее весьма любопытен; случайный биографический эпизод обретает в нем значение факта биографии духовной («...не верю, но хотелось бы верить»; «...верю, но хотелось бы не верить»). В беседах о серьезных предметах, которые были неотъемлемой частью бытия взрослого поэта, обсуждались как проблемы жизни внешней (уроки политической истории народов, прошлое, настоящее и будущее России, собственная роль в освобождении поработенной родины), так и вопросы, касающиеся жизни внутренней (мир чувств, движение таинственных сил души, способность раздвинуть границы эмпирического мира). Вероятно, это было типично для эпохи. Образец такой беседы находим, например, в записках Ф. Н. Глинки, зафиксировавшего свой разговор с весьма начитанной собеседницей Ниной Ахвердовой (родственницей известной П. Н. Ахвердовой — знакомой Грибоедова и Пушкина): «Целый день разговаривали мы о предметах очень важных: о жизни, ее условиях, цели, о назначении человека, о нездешнем, о внутреннем, о том, что видно только для души. <...> Поводом для этих разговоров были <...> речи ясновидящих, таинственные и возвышенные»¹³.

Вспомним также, о чем разговаривали Онегин с Ленским:

Меж ими все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Все подвергалось их суду.

(V, 38)¹⁴

Так, чуть иронично, писал Пушкин в 1828 г. о весьма причудливом переплетении тем в беседе своих героев — «плоды наук» и «тайны гроба роковые». Однако и сам он в 1817—1819 гг., испытывая влечение к вещам иррациональным, мог

¹² Каратыгин П. П. Дела давно минувших дней. СПб., 1888. С. 21—22, 24.

¹³ Глинка Ф. Н. Любопытный отрывок из моих записок//Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 141, оп. 1, № 27.

¹⁴ В черновом варианте: «В прогулке их уединенной/О чем не зачинали <?> спор/Судьба Души (курсив наш.—И. Ч.) Судьба вселенной/На что ни обращали взор» (V, 278).

всерьез размышлять и рассуждать о них наряду с вопросами политическими и социальными.

Да и позднее мистическое восприятие судьбы оставалось характерным для него. Эпизод с Кирхгоф имел продолжение. В бытность Пушкина в Одессе грек-предсказатель повторил предупреждение петербургской гадалки об опасности для него беловолосого человека¹⁵. В 1827 г. Пушкин живо помнил пророчество. Он написал тогда чрезвычайно злую эпигramму на белокурого красавца А. Н. Муравьева, опубликованную в «Московском вестнике». Встретив редактора журнала М. П. Погодина вскоре после выхода номера в свет, Пушкин сказал ему: «А как бы нам не поплатиться за эпигramму. — Почему? — Я имею предсказание, что должен умереть от белого человека или белой лошади»¹⁶.

Надо думать, он помнил об этом и в 1822 г., когда писал «Песнь о Вещем Олеге», и зимой 1836—1837 гг.

¹⁵ См. об этом в тетради В. Ф. Щербакова с записями о Пушкине (опубл.: *Пушкин А. С. Соч./Ред. П. А. Ефремова; Изд. А. С. Суворина.* СПб., 1905. Т. VIII. С. 109—113).

¹⁶ Рус. арх. 1870. Стб. 1947.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ О ПУШКИНЕ

Санкт-Петербург
ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
"АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ"

1995